

ИМПЕРИИ ЗЛА

ИТАЛИЯ

КОЛЫБЕЛЬ
ФАШИЗМА

НИКОЛАЙ УСТЯЛОВ

Николай Васильевич Устрялов
Италия – колыбель фашизма
Серия «Империи зла»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17694064
Италия – колыбель фашизма/ Устрялов Н. В.: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0221-3

Аннотация

Слово «фашизм» традиционно ассоциируется с Германией 1933–1945 годов. Это было связано с типично советской точкой зрения, которая видела в режимах Гитлера и Муссолини единую силу, являющуюся реакцией на победное шествие коммунистической идеологии. В режимах Гитлера и Муссолини действительно много общего. Однако и много различий, что, кстати, признавал и Гитлер.

Итальянский фашизм стал первым опытом власти «партии нового типа» некоммунистической направленности, и в этом смысле явился предшественником нацизма. Поэтому фашизм в точном смысле идеологии есть прежде всего явление итальянское. О чем миру одним из первых поведал наш соотечественник – социолог, теоретик и представитель правого национал-большевизма Н. В. Устрялов (1890–1937).

«Только кровь дает бег звенящему колесу истории», – говорил Муссолини. Италия под началом этого диктатора надеясь на колониальный передел мира. К чему это привело Муссолини и его народ, все хорошо знают. Для читателя же особую ценность представляет повествование свидетеля той эпохи о зарождении и становлении фашизма в Италии, – стране, где каждый камень, каждое дерево, каждый цветок пропитан историей.

Содержание

Предисловие	4
Италия перед войной. Население. Власть	6
Эмиграция. Империализм бедняков	10
Великая война. Нейтрализм. Интервенционизм. Май 1915-го	15
Мир. «Испорченная победа». Наследие войны	19
Революционное наступление. Нитти. Социалисты. Пополяры	23
Джиолитти. Захват фабрик и соглашение 19 сентября 1920-го.	29
Красный призрак	
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Васильевич Устрялов

Италия – колыбель фашизма

Предисловие

В ряду глубоких изменений, внесенных в мир мировой войной, особое внимание привлекает к себе своеобразный кризис государственных форм, связанных с характерными новыми явлениями в области политической жизни. Конечно, не война породила эти явления, – напротив, она сама явилась результатом и признаком их созревающей реальности. Она лишь их обнаружила, подчеркнула, заострила. Они зрели в недрах XIX века и, как видно, представляют собою нечто естественное и закономерное.

Нередко приходится слышать, что наиболее поучительными и показательными участками современного мира цивилизованных народов должны быть признаны две страны: Россия и Италия. Указывают, что послевоенные революции в этих странах, при всей их внешней полярности, отмечены одинаково печатью яркой исторической оригинальности, некоей знаменательной новизны. Если грандиозность размаха и масштабов русской революции ныне уже вряд ли в ком вызывает сомнения, если в облик преобразенной великою революцией русской государственности всматриваются отовсюду пытливые и пристальные взоры, – то нельзя отрицать, что и итальянские события последнего десятилетия привлекают к себе достаточно зоркое внимание, весьма напряженный интерес.

Все чаще и чаще встречаешь в государственно-правовой литературе признания, что именно Россия и Италия становятся ныне волею судьбы в центре и фокусе общего внимания. Падение Габсбургов, Гогенцоллернов и султанов не слишком потрясло мир и не заставило ученых обратиться к пересмотру некоторых, уже поседевших за столетнюю свою жизнь, государственно-правовых представлений: словно лопнул Морган или Ротшильд, не более! Но события в России и Италии ставят в порядок дня вопрос о существенной переоценке целой цепи начал, на которых покоилось конституционное и демократическое государство. Новые формулы выдвигаются жизнью. Новые притязания заявляют о себе. Свежие силы пробивают себе дорогу. Осуществляются поучительнейшие опыты, словно мерцает какая-то новая эпоха: так в 1789 году провозглашала неслыханные тогда на Европейском континенте лозунги Великая французская революция...

Настоящий очерк посвящен фашизму. В русской литературе до сего времени это явление недостаточно освещено. Вокруг него больше плачут и смеются, кипят и бушуют страсти, и мало кому досуг пристальнее в него всмотреться. Одни проклинаят его, как опасного классового врага, другие, напротив, благословляют, как якорь спасения... Россия. Но прежде всего надлежит основательнее с ним познакомиться, познать его существо.

Именно эту задачу и ставит себе в первую очередь настоящий очерк. Он больше рассказывает, излагает, нежели оценивает и размышляет. Рассказывает историю фашистского движения и пытается вскрыть ее предпосылки, рисует идейный и социально-политический облик фашизма, поскольку он выступает из собственных слов самих фашистских деятелей, а также из реальных дел фашистской партии и власти. Конечно, безусловный «объективизм» невозможен уже при самом восприятии социальных явлений и самой постановке социальных проблем, но меньше всего данная работа задается какими-либо посторонними беспристрастному исследованию и имманентному предметному анализу задачами.

Разумеется, фашизм есть принадлежность современной итальянской жизни по преимуществу. Понять его можно лишь на родной его почве. Это не значит, что отдельные его элементы не могут проявляться, в аналогичной обстановке, и в других странах. Но,

как данный исторический факт в его конкретности и целостности, он всецело – продукт специфических итальянских условий. История не любит работать по «стандарту», ее пути индивидуальны и неповторимы. Если большевизм есть типично русское порождение и, как таковой, немыслим вне русской истории и русской психологии, – то тщетно было бы изучать и фашизм в отрыве от его индивидуально-исторических истоков. Так называемая «заразительность» обоих этих исторических сил имеет, несомненно, свои пределы и свои законы: *si duo faciunt idem, non est idem*. «Принципы 89 года» заразили мало-помалу Европейский континент: но становится ли тем самым Великая французская революция менее французской, менее национальной, и поймем ли мы ее вне знакомства с оригинальной, индивидуальной обстановкой ее возникновения и развития? И, кроме того, разве каждый зараженный названными принципами народ не переживал и не переживает их по своему?..

Италия перед войной. Население. Власть

Современная Италия – сравнительно «молодая» страна, с недостаточно установившейся социальной структурой. И социальный, и политический факторы дробятся в ней множеством «районных» отображений («реджионализм»). Длинный, узкий полуостров, она делится на три полосы с тремя различными климатами, от центрально-европейского до североафриканского: если долина По – Европа, то Сицилия – уже почти Африка. В течение семи веков Италия жила не единой, а разорванной жизнью, жизнями отдельных своих районов. В течение семи веков была она для политиков, согласно известной фразе Меттерниха, «не более, чем географическим термином». Она знала до дюжины столиц и всевозможные формы правления. Ломбардия, Тоскана, Венеция, южные области – имели каждая свою обособленную историю; нередко это оказывалась скорее история Франции, Германии, особенно Австрии, нежели самой Италии. Отдельные районы обзавелись своими специфическими наречиями; бывает, что северянин с трудом понимает южанина. Естественно, что и после объединения 1848–1870 гг. новой власти приходилось непрерывно преодолевать многообразные затруднения, колебания, брожения. И объединенная, до XX века сохраняла Италия в себе какую-то внутреннюю нестройность – наследие старой разорванности. Ни в одном своем социальном слое не могла она найти прочной опоры своей слагающейся государственности и нередко местные интересы в сознании ее населения соперничали с общенациональными.

Ее интеллигенция никогда не играла той руководящей, организующей, деловой роли, которая выпадает на долю образованного слоя в Англии, Франции, Германии. Впрочем, итальянская интеллигенция была, по-видимому, и неспособна к такой роли: импульсивная и неуравновешенная, она металась из одного строя мысли в другой, она бывала «по очереди маццинистской, республиканской, гарибальдийской, монархической, демократической, либеральной, консервативной». Ее постоянная материальная необеспеченность могла отчасти служить объяснением ее идеологической неустойчивости, ее «бесхребетности».

Итальянская буржуазия, с своей стороны, проявляла и социальную, и моральную неподготовленность стать действительным ферментом государственного порядка. Итальянский капитализм – явление новое. Ни специфической банковской атмосферы, ни урбанизированного рабочего класса, ни резкого разделения населения на обособленные социальные группы не наблюдалось в Италии до начала нынешнего века. В таких условиях буржуазия не могла пройти надлежащей исторической школы. Не было у ней социального опыта и дальновидного классового сознания, не хватало культурных ресурсов стать подлинной «либерально-консервативной» силой. И качественно, и количественно она для этого не годилась.

Бедное и многочисленное чиновничество. Вечно нуждающееся, недостаточно образованное и не слишком сознательное офицерство. Аристократия, оскудевшая в качестве государственной силы, политически сошедшая на нет. Церковь, традиционно обиженная на государство и потому не склонная ни в чем ему помогать. Такова картина «командующих классов» в Италии XIX века.

Италия – страна, главным образом, аграрная: земледельческого населения в ней вдвое больше, чем связанного с промышленностью (10 и 5 миллионов). Но земельный вопрос в Италии всегда был сложен, как нигде: недаром говорят, что там не один, а 8 или 10 аграрных вопросов! Крестьянство расслаивалось социально и географически: мелкие собственники (около 2 миллионов), фермеры и арендаторы-исполовники (*mezzadri*, около 3 миллионов), наемные батраки и поденщики (*braccianti* – свыше 4 миллионов) – вот, согласно данным 1911 года, разнохарактерные и часто взаимно враждебные прослойки внутри единой, казалось бы, социальной формации. Соотношение этих прослоек различно в различных провинциях. В

Тоскане и Средней Италии половники, живущие культурой фрукт и огородничеством, чувствуют себя гораздо лучше, чем на юге, где сеется одна лишь пшеница и где условия аренды значительно более сложны и менее справедливы (система посредников – *gabelotti*). На севере – родине политического движения Италии – постоянно заявлял о себе сельский пролетариат, «фабрикующий землю», превративший скудные земли низкой долины По длительной разработкой в прекрасную, плодородную местность, дающую квалифицированные культуры. В этом районе наблюдается крайнее дробление земельных владений на мелкие, карликовые участки: фермеры, арендующие землю, а также зажиточные крестьяне собственники. На юге и отчасти в центре сохранились помещики с их знаменитыми «латифундиями», раз уже – по свидетельству Плиния старшего – «погубившими Италию». Правда, этим южным помещикам феодального типа так и не удалось в современной Италии сплотиться политически в партию «магнатов» или «юнкеров», способную стать опорой реакции на манер прежней прусской или венгерской: для активной политической роли они оказались слишком ленивы и недостаточно культурны. Но все же в их руках было достаточно земель, возделываемых и запущенных в зависимости от почвы и доброй воли владельца. В начале 1900 годов (особенно в 907 и 908) по стране прокатилась волна аграрных волнений, причем уже тогда экономическая борьба явственно переходила на своем левом фланге непосредственно в политическую: против собственности! Свыше четырех миллионов сельских батраков, полунищих и эксплуатируемых, представляли собою прекрасную среду для культуры беспокойных и радикальных лозунгов. Пусть даже заветная мечта каждого из них – стать фермером, но покуда мечта не воплощена, умело подогреваемая социальная зависть способна выковать из этих людей отменный революционный материал. Их требования, все более настойчивые, принуждали капитал стараться обойтись, по возможности, без них, что было достижимо лишь усовершенствованием техники. Государство шло навстречу крупному капиталу, отпускало субсидии для устройства каналов, дорог, земляных улучшений. В свою очередь, социалисты стремились успешнее сплотить и подчинить своему влиянию батрацкие элементы деревни путем организации «красных лиг», «палат труда» и проч. Подчас положение становилось достаточно острым. Земельным собственникам кое-где приходилось в качестве мер сопротивления и воздействия прибегать к сильно действующим средствам: к отказу от производства и локаутам. В Сицилии дело доходило до эпидемических разгромов помещичьих усадеб; львиная доля вины за них падала на близорукую и жадную несговорчивость помещиков. Нужда, голод, отчаяние толкали на эксцессы бедноту отсталых южных провинций. Она не была приучена ожидать защиты и помощи от законной власти. Отсюда и знаменитая «мафия», самоорганизация инициативных, но в то же время и бесшабашных элементов, которым «закон не писан», своего рода «благородных разбойников», порою, впрочем, забывавших о своем «благородстве».

Наименее надежным с точки зрения наличного государства социальным слоем являлся, конечно, городской промышленный пролетариат северных районов. В 1898 году интенсивное рабочее движение было подавлено грубыми и неуклюжими мерами тогдашнего консервативного министерства Пеллу. Но с 1903 года римское правительство меняет курс в области рабочей политики и усваивает позицию своеобразного «нейтралитета» в борьбе между предпринимателями и рабочими. Итальянский рабочий класс начинал все более чутко и сочувственно прислушиваться к социалистической пропаганде и подпадать под влияние социалистической партии. Последняя в Италии, густо прослоенная выходцами из мечтательной буржуазной молодежи (так наз. «социализм совести»), была богата левыми настроениями, и наряду с реформистами включала в свой состав сильное экстремистское крыло. В частности, прочное гнездо свил себе в ней революционный синдикализм. Особенно ярко победа в ней левых, непримиримых течений сказывается в 1912, в период перехода страны к всеобщим выборам. Известно, что из всех европейских социалистических партий итальян-

ская одна не была захвачена военно-патриотическим порывом 1914–1915 годов. Она упорно чуждалась войны и не хотела иметь ничего общего с буржуазным правительством. До поражения итальянской армии под Капоретто 22 октября 1917 года социалистическая оппозиция войне выливалась даже в бурные, страстные формы: социалисты в парламенте часто недвусмысленно грозили власти забастовкой окопов. Правда, после Капоретто они принуждены были изменить тактику, – но в стране сохранилось впечатление, что в течение войны социалисты вели себя непатриотично. Впоследствии фашизм широко использовал это впечатление.

Итальянское государство, созданное в атмосфере лозунгов, одновременно национальных и народных, оформило себя парламентарной демократией. Эта форма государственного строя, английская по своим историческим корням и своему идейному существу, становилась, как известно, общеевропейской после 48-го года. «Внутренняя Англия» крепла и развивалась во всех государственных организмах Западной Европы. Привила ее себе и молодая Италия.

Политическая демократия, лишенная глубоких традиций на Апеннинском полуострове, не без труда справлялась с экономическими нестроениями и социальными противоречиями, характерными для Италии. Тяжелые налоги, соединенные с несвоевременной налоговой системой, погружали население в неизбывное море «фискальных мучений». Социальные и финансовые трудности постоянно грозили превратиться в политические потрясения. Массы вовлекались в политику, оставаясь чуждыми политическому опыту и общественной подготовке. Политических партий в англосаксонском смысле этого понятия в Италии не было до образования социалистической (1893) и католической народной (1919) партий. Но даже и эти обе, сложившиеся под некоторым влиянием немецких социал-демократов и «центра», не могли не подвергнуться воздействию итальянской обстановки. Партийные массы не научились проявлять демократическую самостоятельность, а вожаки, монополизирующие на парламентской трибуне партийные стяги, обычно пользовались ими не столько для осуществления начертанных на них программ, сколько для одержания побед в бескровной борьбе за власть. Под фирмой демократической государственности процветали личные режимы: Депретис, Криспи, Соннино, Джиолитти... Нигде, пожалуй, не чувствовались шипы парламентаризма так остро, как в Риме и нигде так мало не укоренились положительные стороны этой системы правления. Нигде закулисные парламентские комбинации не казались более мелкотравчатыми, изгибы правительственных маневров более жалкими, политические компромиссы менее достойными, чем именно на этих великих исторических холмах, запечатлевших на себе дыхание мировой истории. Естественно, что новые поколения оказывались сплошь одержимы скептицизмом по адресу демократических учреждений, «и когда фашисты появились у демократического фасада итальянского государства, они не нашли у ворот ни стражи, ни часового».

Итальянский парламентаризм последнего периода не выдвинул крупных государственных фигур, за исключением, быть может, Джиованни Джиолитти, необычайно чуткого политика, мастера министерских лавирований и парламентской стратегии. Это был «циник, никогда не говорящий о цинизме; сановник, всегда умеющий привлечь к себе людей, награждать их, отличать, осыпать почестями, глубоко их презирая»¹. Социально-политически он начал свою карьеру выразителем интересов той «новой северной буржуазии», которая заметно кристаллизуется и созревает к XX веку в результате промышленного и торгового развития страны. Но в то же время он умел отчетливо учитывать преобладающую

¹ «Несомненно, – утверждал Муссолини в 1912 г. на социалистическом конгрессе в Болонье, – Италия представляет собою страну, где парламентский кретинизм вылился в формы наиболее опасные, наиболее убийственные. Вот почему я абсолютно отрицательно отношусь к идее всеобщего избирательного права».

роль сельского хозяйства в экономическом организме Италии. Именно с ним, организатором нового прогрессивного блока в парламенте, связывается историческая перемена правительственного курса в сторону начал социального прогресса и последовательной демократии: крестьянство и промышленная буржуазия против землевладельцев! Соответственно с этой переменою на переломе века, министерская декларация 12 июня 1906 года объявляла задачей правительства «объединение большой либеральной партии около программы, внушенной широким духом свободы и самым искренним расположением к рабочему классу».

Однако пестрота и неустойчивость социальных и политических отношений в Италии ставили серьезные препятствия осуществлению выдвинутых правительственных задач. Надлежащей опоры, надежной среды не было у Джиолитти. Отсюда его политика – политика «лисьего хвоста», непрерывное маневрирование между мелкой буржуазией, интеллигенцией, рабочим классом, социалистической партией. Этот политический стиль характерен для обстановки. Недостаточно сильная, сплоченная и сознательная для более определенной государственной политики, переживающая в себе сложную внутреннюю рознь между элементами индустриальными и аграрными, новая итальянская буржуазия ведет своеобразную линию всесторонних заигрываний: но больше всего, кажется, она любила играть в оппозицию собственному правительству и быть «суфлером собственного упразднения», заигрывая с революцией и социалистами. Бономи в своей книжке прямо говорит о «социалистической буржуазии» в Италии, шедшей рука об руку с буржуазией демократической.

И все же страна в отношении хозяйственном развивалась успешно, быстрым темпом, как бы органически наливаясь соками. Создавалась промышленность, росла производительность сельского хозяйства. Подобно Франции в эпоху Гизов, новая Италия страдала лишь отсутствием здоровой гармонии между экономикой и политикой: несмотря на экономический рост, обозначался все бесспорнее и все тревожнее отрыв масс от руководящих политических сил. В 1913 году Джиолитти провел всеобщее избирательное право, дабы облегчить внутреннее положение в связи с триполитанской войной. Но – любопытный парадокс формальной демократии, не переваренной нацией! – самодеятельность масс шла по иным желобам, через синдикаты, лиги, народные банки, сельские кассы, ассоциации разного рода, кооперативы, католические и социалистические союзы. «Пока неспособные и недобросовестные политики препирались между собой и запутывали финансовое положение страны, рабочие, фермеры, фабриканты и торговцы – крупные и мелкие – работали для спасения себя и своего отечества» – пишет внимательный наблюдатель итальянской общественной жизни. Так приближалась Италия к роковому году мировой войны.

Эмиграция. Империализм бедняков

Каковы были внутренние пружины военного выступления Италии и что ожидала она от победы? Этот вопрос вплотную подводит нас к проблеме «итальянского империализма».

Итальянские экономисты и политики долгое время склонны были отрицать самую наличность «империалистических» вождений своего государства. Не без гордости отмечали они, что «английская болезнь» не коснулась их страны. Но если в этом последнем утверждении они были и правы, то они несомненно ошибались, придавая понятию империализма слишком узкое, чересчур «английское» значение. Конечно, экспансивизм великобританского покроя, «империализм богачей», территориальная агрессия избыточного, интенсивного капитализма – такой империализм был чужд молодой, во многом нуждающейся, промышленно отсталой, аграрной Италии. Но итальянский патриотизм все же знал две агрессивные формы, одна из которых во всяком случае может быть названа тоже «империалистической». Эти формы – «ирредентизм» и поиски земель для размещения избытка населения.

Ирредентизм реально связан с историей объединения Италии и принципиально уместается в рамки «начала самоопределения народов»: не захват чужих территорий, а возвращение своих. *Ciascheduno per se*. Итальянцы хотят свободы народов, и потому стремятся воссоединить с итальянским государством отторгнутых от него единоплеменников. «Уходите за Альпы, – говорили они австрийцам, – и тогда снова будем друзьями!»

Но известна двусмысленность и политическая чреватость понятия «дезаннексии». Если Австрия до самой своей смерти упорно отказывалась уйти за Альпы, то Франция не хочет и думать о дезаннексии Ниццы, Савои и Корсики. Национально-государственные притязания Италии, сталкиваясь с жизненными интересами соседних государств, автоматически приобретали напряженную остроту и «империалистический» привкус. Всякий «пересмотр истории» не может не влечь за собою существенных международных осложнений и не создавать вокруг его зачинщика сгущенной атмосферы подозрительности и недружелюбия. «Исправлять историю» приходится кровью, ибо всякую ее «ошибку» закрепляет кровь. И чем живее итальянский национализм мечтает об увеличении здания единой Италии, тем откровеннее беспокоятся соседние государства, тем громогласнее шумят они о наступательных планах Рима.

Но в XX веке к этой исконной форме итальянской «экспансии» прибавляется и чисто колониальный «империализм», погоня за кусками заморских земель. Рядом с великими и богатыми державами появляется новый претендент на теплые «местечки под солнцем». Италия вмешивается в международные колониальные распри и пристально следит за каждой возможностью установить, а после приобретения Триполи и расширить сферу своего влияния в северной Африке. Суровая необходимость диктует ей этот образ поведения: ее населению тесно в родной стране.

Существенным фактором итальянской жизни и политики издавна была обильная эмиграция. По количеству эмигрантов Италия занимает первое место среди государств всего мира. Переполненность полуострова, неуклонно растущая, ведет, как показывают цифры, к систематическому, абсолютному и относительному, росту отлива населения за границу. В 1880 году всего эмигрировало за пределы Италии 119 901 человек, что составляло 425 чел. на 100 000 жителей; в 1890 г. – 217 244 (718 на 100 000); в 1900 г. – 352 782 чел. (1091 на 100 000); и в 1910 г. – 651 475 (1895 на 100 000). В 1913 г. общее число эмигрантов доходит до 900 тысяч. 32 % эмиграции падает на земледельцев, 30 % – поденщиков и вообще неквалифицированных рабочих, 12 % – промышленных рабочих, 13 % – каменщиков, плотников и проч., 13 % – коммерсантов и лиц либеральных профессий. Эмигрируют преимущественно муж-

чины, и это обстоятельство даже изменило за четверть века численное соотношение мужчин и женщин в стране. Большинство переселенцев имеют в виду лишь временную отлучку, но приблизительная статистика показывает, что за 20 лет из 4,900,139 эмигрантов возвратилось обратно лишь 2,100,684. Следовательно, итальянское государство за указанный промежуток времени утратило 2,800 тысяч граждан! Пусть это не безусловная утрата: эмигранты не порывают всех связей с родиной, держатся на чужбине нередко весьма обособленно и внутренне сплоченно («подобно евреям и китайцам»), не смешиваются с туземным населением, и, говорят, даже присылают домой ежегодно до полмиллиарда лир. Но все же, и не приобретая новой родины, они не могут не отдаляться от старой. Неизбежно утрачивают они мало помалу чистоту языка, а во втором поколении роковым образом наступают и другие признаки денационализации; так, в Южной Америке часто констатируют процесс «испанизации» итальянских выходцев. Помимо того, появление за границей значительных и работоспособных итальянских колоний создает нежелательную конкуренцию отечественному экспорту: в какой-нибудь Калифорнии и Аргентине подвизаются итальянские мастера по части вина и оливы, по части цветоводства или некоторых специальных хлебных культур, – и этим наносится ущерб вывозу соответствующих товаров из Италии. Словом, ясно, что благодаря массовому отливу прироста населения в чужие страны, прирост этот не используется в надлежащей мере. Нужен иной, более целесообразный выход.

Вот данные об итальянцах вне Италии:

1881 г. в Европе 380,352 (36,84 %), в Африке 62,203 (6,02 %), в Азии 7,531 (0,73 %), в Океании 2,971 (0,29 %), в Америке 579,335 (56,12 %), итого 1,032,392.

1891 г. в Европе 461,843 (23,29 %), в Африке 75,212 (3,79 %), в Азии 8,602 (0,43 %), в Океании 4,365 (0,22 %), в Америке 1,433,184 (72,27 %), итого 1,983,206.

1901 г. в Европе 654,053 (19,56 %), в Африке 167,837 (5,02 %), в Азии 10,643 (0,32 %), в Океании 6,141 (0,18 %), в Америке 2,505,876 (74,92 %), итого 3,344,548.

Это свидетельствует о неудержимом сокращении эмиграции в Европу и о решительном перенесении центра тяжести ее в Америку. К 1908 году общая цифра итальянских эмигрантов уже превышала пять миллионов человек, причем тяготение к Новому Свету проявлялось с возрастающей очевидностью. Словно образовались «итальянские колонии без итальянского флага», и находились уже романтики, которые готовы были видеть в мирной колонизации Южной Америки чуть ли не бескровное осуществление мечтаний о *Magna Italia*, создание «второго итальянского отечества». Но с точки зрения национально-государственной такой романтизм, разумеется, не выдерживал никакой критики.

Английская колонизация делала мир английским: с колонистами приходил английский флаг, или, по крайней мере, английский язык. Италия явилась в современный мир поздно – она пропустила сотни удобных случаев и миллионы квадратных километров земли. Вместе с тем она не имела за собою и качеств британской крови – ни гордой непреклонности первого в мире правительства, ни холодной настойчивости смелого, предприимчивого народа. Не отважные викинги, не рыцари наживы, охваченные жадностью, и не рыцари крестовых походов, пронизанные идеей, – были пионерами итальянской эмиграции; ими были безвестные и безродные бедняки, спасавшиеся беженством от нужды. Они шли не править, не господствовать, а повиноваться, изворачиваться, служить ради куска хлеба. Они стремились в чужие, крепкие государства, в края, дышащие, как им казалось, обильем, и не несли с собою ни итальянской культуры, ни итальянской государственности. И как редко могли они похвалиться хорошим отношением к себе на новых местах! Сколько унижений, недружелюбия, подчас заслуженного, даже враждебности приходилось им переживать! Взять хотя бы положение итальянских поселенцев в Тунисе, кем-то остроумно названном «итальянской коло-

нией, возглавляемой французами». На 35 тысяч французов в 1910 году там жило 125 тысяч итальянцев, занимавшихся плодотворным хозяйственным трудом в этой цветущей колонии. И непрестанно терпели они всяческие стеснения². В 1896 г. Франция заключила даже специальное соглашение о неувеличении итальянских школ в Тунисе. Но с 1896 до 1910 число итальянских обитателей Туниса утроилось; им оставалось посылать детей во французские школы, да и это бывало не так легко. Итальянские рабочие также претерпевали различные ущемления по сравнению с французскими. То же, и еще более, землевладельцы. Нечего говорить, что французский капитал пользовался повсюду исключительными льготами. И лишь война 1914 г. принесла итальянскому населению Туниса ряд облегчений, обусловленных соображениями тогдашней большой политики.

Понятно, что проблема эмиграции должна была волновать и волновала итальянское правительство. Борьбаться с непродуктивным отливом излишка населения можно было различными средствами: интенсификацией земледелия, запрещением оставлять земли необработанными, заселением болотистых мест (внутренняя колонизация) и т. д. Но все это паллиативы. Значительно более действительное средство – форсированная индустриализация страны: путь предвоенной Германии. «Для растущего народа, – писал Науманн, – есть лишь один способ избежать нищеты: он должен стать народом машин». К XX веку Италия тоже вступила на этот путь промышленного, машинного развития. Но он был ей труден: бедная железом и особенно углем, лишенная промышленных навыков и традиций, она принуждалась выдерживать конкуренцию на мировом рынке с гигантами современного капитализма. Реальная плотность ее населения (т. е. за вычетом непригодных земель) уже в 1910 году превысила 175 человек на квадратный километр, в то время как ее народное хозяйство могло удовлетворительно прокормить, в сущности, не более половины этого количества. Рост населения безостановочно продолжался (4 рождения на один брак), свидетельствуя о жизнеспособности народа, но тем настоятельнее требовала разрешения проблема эмиграции. Выход намечался с неумолимой необходимостью: Италии нужны свои колонии.

Ей нужны колонии для экспорта избыточного населения: «империализм бедняков». Ей нужны колонии и для развития национальной промышленности и, мало того, даже длявоза продуктов первой необходимости, которых ей у себя тоже недостает³. Сама история толкает ее на торную дорогу активной империалистической политики. Не она первая, не она, конечно, и последняя: на наших глазах Япония переживает во многом аналогичный процесс. Жизнь – борьба. Несправедливо, что «поздно приходящие» остаются за флагом. Если есть борьба классов, то не менее закономерна и борьба рас, наций, государств. Обидно, что народы-господа, нации-плутократки высокомерно повелевают международному хозяйственному и политическому рынку. Не за горами – переоценка исторических ценностей!

Так год за годом, движимая непреклонными экономическими импульсами, развивала в себе боевое националистическое сознание итальянская государственность. Всем здоровым нациям присущ инстинкт экспансии, свойственна «воля к мощи». Сильный народ носит в самом себе логику собственного роста, и место его в мире определяется не замкнутым кругом формальных правовых императивов, а бесконечным и существенным разумом истории. Гегель прав в своем гениальном изречении: «всемирная история – всемирный суд».

В итальянском империализме звучат оригинальные ноты своего рода «пролетарской» борьбы: империализм трудящихся классов, жизненно заинтересованных в расширении отечества. Любопытно, что идея «своих колоний» была привита общественному мнению Ита-

² Французские данные за 1926 год рисуют уже существенно иную картину соотношения итальянцев и французов в Тунисе: 89,216 итальянцев и 71,545 французов.

³ Хлебные злаки за пятилетие 1903–1913 гг., по данным римского института сельского хозяйства: своей продукции 84,299 тыс. квинталов, ввоз 20,870 тыс. квинталов. В 1924: своей продукции 81,424 тыс. квинталов, ввоз 23,975 тыс. (П. Лященко, «Русское зерновое хозяйство», Москва, 1927).

лии в значительной мере социалистами: Лабриола высказывал ее еще в 1902 году, указывая на Триполи. Как во времена Risorgimento тесно переплетались мотивы национального и социального освобождения, так и теперь империалистическая тенденция окрашивалась в освободительный цвет. «Что социализм для пролетариата, то для итальянцев – национализм: орудие освобождения от нестерпимого гнета. Что пролетариату буржуазия, то для нас французы, немцы, англичане, американцы, будь то аргентинцы или янки: богачи – вот наши враги» (Коррадини). Итальянская эмиграция таскает каштаны для чужих богачей; – она должна работать на себя, на Италию!

Таков индивидуальный облик современного итальянского великодержавия. Как некогда крылатый Эрос греков был сыном Пороса и Пеннии, обилия и скудости, – так нынешний итальянский империализм, национальный эрос нового Рима, отображает собою одновременно и внешнюю бедность итальянского народа, и богатство таящихся в нем внутренних сил.

В 1908 г., в связи с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины, итальянское общественное мнение пережило приступ националистического оживления. Вновь обострились вопросы ирредентизма, явственнее обнаружился Drang nach Nordosten. Но уже в следующем году «национализм» из острого становится как бы хроническим и наряду с целью возвращения в лоно родины оторванных от нее единоплеменников ставит перед собою ряд еще более широких государственных задач. Появляются новые националистические органы печати, развивается интенсивная пропаганда среди юношества. 3 декабря 1910 г. во Флоренции открывается первый конгресс националистов, дебатирующий большую политическую программу – от философско-исторических основ национализма до очередных практических мероприятий текущего дня. Конгресс подчеркивает, что узкую ненависть к Австрии пора сменить широким и положительным осознанием общей проблемы места Италии под солнцем. Конгресс проходил под знаком старого и славного лозунга «Italia fara da se». Националисты далеко не в восторге от мертворожденного тройственного союза, но одновременно не могут не проявлять опасливого отношения также к Англии и особенно Франции. Они рекомендуют правительству «сильную и смелую политику», или, как мы бы теперь сказали «политику здорового национального эгоизма». Они хотят превратить Италию из нации эмигрантов в нацию колонизаторов и щекочут свое воображение славой римской империи времен Октавия. В области внутренних дел национализм высказывается за умеренность и осуждает антисемитские и крайние клерикалистские настроения. Интересно, что в своих построениях он заимствует кое-что у... синдикализма, основательно, впрочем, процеженного, очищенного от революционного содержания. Особенно упорно настаивает он на преодолении остатков старого партикуляризма и на укреплении общеитальянского национального сознания. Ближайшая опора национализма – большие банки, высшие военные сферы, аристократические круги и находящиеся под их влиянием группы интеллигентной молодежи. Вполне понятно, таким образом, что атмосфера националистического конгресса была характерна не только для известных общественных сил Италии того времени, но и для ее государственной политики. Однако в широких массах избирателей националистам не удалось достигнуть сколько-нибудь значительного влияния: на парламентских выборах 1913 года они приобрели в палате всего лишь шесть мест, в том числе два от Рима.

Международные отношения в Марокко не оставляют Италию равнодушной. Ее глубоко волнует соревнование великих держав, пресса полна призывов и пафоса. Опасаются, что после бранного пира богов Италии останутся лишь «обглоданные кости». Пишут об исторических правах итальянского отечества на Средиземном море («mare nostrum»), о Риме, о берегах Африки и т. д., – словом, сверкает всеми своими огнями идеологическая арматура великодержавия. Очередная конкретная цель: «Триполи, когда-то наше, должно быть снова нашим!» Англия и Франция не возражают против этого домогательства. Прежде

взоры итальянцев были устремлены на Тунис, в котором хотели видеть «продолжение Сицилии». Захватом этой прекрасной земли Францией в 1887 году создавалась благоприятная внешняя обстановка для вступления Италии в тройственный союз, никогда, впрочем, не пользовавшийся популярностью среди большинства итальянцев. Вместе с тем, в области африканской проблемы взоры Рима были переведены с Туниса на Триполи: *Ewiva Tripoli Italiana!*

Итало-турецкая война 1911–1912 годов воплотила этот лозунг в жизнь. Но и присоединением Триполитании и Киренаики по Лозаннскому миру с турками в октябре 1912 года не была разрешена проблема переселения: колонизовать захваченную территорию оказывалось не под силу бедным калабрийским крестьянам. Непривычные условия земледелия и отсутствие капиталов пугали земледельцев, дешевая местная рабочая сила отталкивала итальянских рабочих. Собственная колония, далеко не первосортная, в результате оставалась слабо населенной и не смогла сколько-нибудь существенно отвлечь эмигрантский поток от Южной Америки и других стран. Подтверждалась истина, что колонии оплодотворяются больше капиталами, чем людьми, и что бедным странам от колоний больше хлопот, чем прибыли. Но политически обладание Триполи было, конечно, полезно для Италии, выдвигая ее в ряды великих держав и обещая ей лучшее будущее. В Тунисе появились ростки итальянского ирредентизма. Победы в Африке подняли престиж итальянской армии. Пусть государство с 38 % неграмотных, с малярией, с постоянной почти холерой, с дурными гигиеническими условиями имеет весьма сомнительное «право» браться за «цивилизацию» другой, хотя бы и вовсе девственной страны, – но такие вопросы относятся к области не юриспруденции и индивидуальной этики, а истории. Лишь ее беспристрастный трибунал воздает каждому по делам его, связывает и разрешает. Испания наложила неистребимую печать своего культурного влияния на всю Южную Америку как раз во время инквизиции и жестокого экономического упадка. Извилисты и сложны исторические пути.

Как бы то ни было, к 1914 году и субъективные, и, в известном смысле, объективные предпосылки империалистической политики были в Италии налицо. Это необходимо иметь в виду для более полного уразумения последующих событий.

Великая война. Нейтрализм. Интервенционизм. Май 1915-го

Разумеется, Италия не могла остаться в стороне от общеевропейской бури 1914 года. И внешние влияния, и внутренние силы упорно выводили ее из состояния нейтралитета, защищавшегося осторожным Джаиолитти. Сохранить руки «свободными и чистыми» значило прийти на конгресс с пустыми руками. Пришло время смелых решений. Необходимо было принять участие за столом победителей в новом переделе Европы и тем самым довершить великий подвиг объединения Италии. Больше того. Являлась возможность вновь поставить вопрос о территориальном «расширении» страны в полном его объеме. Одно дело – принцип «национального самоопределения», и другое – государственный интерес. Пока первый непосредственно служит второму, все обстоит превосходно. Но бывает так, что уже никакими натяжками не подвести под определенный и реальный национально-государственный интерес спасительный фундамент «свободного самоопределения народов». Тогда приходится прямее и откровеннее опираться на свой удельный вес.

Каждая страна стремится к «экономической самодостаточности». Каждое государство хочет иметь удобные в торговом и военном отношении границы. Италии требовалось еще многое, чтобы достичь этих целей, стоявших перед нею, как перед так называемой «великой державой». Ей нужно было оправдать это почетное наименование.

«Италия должна расшириться, иначе она взорвется» – проповедовали интервенционисты, напирая на римское правительство. Она должна стать «насыщенной» страной. На широкие массы особенно сильно действовали при этом лозунги «ирредентские», а также и общесоюзнические: гуманитарные и демократические.

Выступление на стороне центральных держав было, судя по всем данным, исключено с первых же дней великого конфликта. Недаром гуляла из уст в уста острота Мартини, сказавшего, что первой жертвой, первым трупом начавшейся войны явился Тройственный Союз. Иначе и быть не могло: договор «совместной неподвижности», механическая дружба органических врагов, акт «обоюдного страхования», – он сыграл свою роль и внутренне себя изжил. Вряд ли правительство, даже если бы хотело, смогло преодолеть антиавстрийскую предубежденность в самых различных слоях населения. Формально отвергая в междусоюзных переговорах наличность *casus foederis*, по существу оно лишь выражало единодушное настроение страны. Повсюду слышалось: «лучше дезертировать, чем драться за немцев». Муссолини формулировал общее мнение, заявляя правительству в 1914 году: «Если вы начнете войну с Францией, вы получите баррикады в Италии». Особенно сильное впечатление и на итальянские общественные круги, и на итальянскую дипломатию произвел факт активного участия Англии в противогерманской военной коалиции. В сущности, именно этот фактор и оказался решающим.

После долгих колебаний и достаточно неприглядной шейлоковской торговли Соннино с обеими сторонами, Италия выступила наконец на стороне союзников. Злые языки острили, что вопрос решили несколько сотен лишних километров. Злые языки, по обыкновению, довольствовались чисто внешней оценкою вещей.

Появление Италии в боевом лагере Антанты знаменовало собою победу ирредентизма в старогарибальдийском смысле над новыми империалистическими стремлениями, отталкивавшими Италию от Англии и Франции. Это не означало, разумеется, отказа от политики колониальной экспансии, но неизбежно отодвигало ее задачи на второй план. Под влиянием военной обстановки и настроений страны правительство принуждено было в первую очередь поставить вопрос о «дезаннексии» населенных итальянцами областей Австрии. За

такую постановку вопроса была и популярная логика итальянской истории. Победа в европейской войне как бы завершала освободительный процесс 1848, 1859, 1860 и 1866 годов. Общественному мнению Италии представлялось противоестественным завершение освободительного процесса в союзе и через союз с центральными монархиями. Напротив, решительно диктовалась демократическая борьба против них.

Значительная часть интеллигентной молодежи стояла уже в 1914 году на интервенционистских позициях. Студенчество неоднократно взывало о военном вмешательстве. Но гораздо важнее, что и «средние классы» относились к выступлению Италии, в общем, сочувственно. После объявления войны страна пережила подъем горячего национального движения, порыв «священного единения». Количество добровольцев достигло двух сотен тысяч. Даже и недавние противники вмешательства, германофилы, пацифисты, ненавистники Антанты, – все они, когда война разразилась, превратились в единый лагерь патриотов, защитников отечества.

Впрочем, было исключение: социалисты. Позиция итальянской социалистической партии в проблеме войны представляет для нас особый интерес: именно ведь на почве различного понимания этой проблемы и произошел разрыв Муссолини с партией. Интервенционизм Муссолини – первое знамение позднейшего фашизма.

Было нечто импотентное и половинчатое в нейтрализме итальянских социалистов. Ни откровенного патриотизма их европейских коллег, ни действительного революционного дерзновения русского стиля. Это был поверхностный пацифизм, проникнутый страхом опасностей, осторожностью, неверием в победу одной из воюющих сторон. Не фанатическая ставка на революцию и гражданскую войну, а умывание рук, апелляция к узкому расчету, мелочному рассудку. Капоретто заставило социалистов пересмотреть свою линию поведения и высказаться за национальную оборону. Но было уже поздно: победа застала их врасплох.

Главный порок этой межеумочной нейтралистской позиции – ее несоответствие «духу» тех великих, воистину решающих исторических дней. Вместе с тем она не могла быть действительно популярной в обществе, подстрекаемом патриотической прессой, да, пожалуй, и в массах, инстинктивно воспринявших всю критичность, всю значительность эпохи. Муссолини своим чутким социальным слухом верно уловил это: «нейтральные не двигают событиями, а подчиняются им; кровь дает бег звенящему колесу истории». В первые дни войны он тоже писал в «Avanti» о необходимости «абсолютного нейтралитета» Италии: «или правительство – подчеркивал он – само подчинится этой необходимости, или пролетариат всеми средствами заставит его ей подчиниться». Но уже очень скоро, в сентябре, он публично исповедуется в своей горячей любви к Франции: «о, Франция, мы тебя любим! В наших жилах – любовь к Франции!»

Он меняет ориентацию. 10 октября он уже пишет статью, провозглашающую переход «от абсолютного нейтралитета к активному и действенному». Не покидая революционной терминологии, он объявляет, что интересы революции требуют войны: «ужели вы останетесь противниками войны, несущей спасение нашей, вашей революции?» Не всякая война запретна: «ужели вы думаете, что государство будущего, государство завтрашнего дня, республиканское или социал-республиканское, откажется от войны, если его к ней приведет внешняя или внутренняя историческая необходимость?» Война несет собою революцию, она осуществит революционные цели. Значит, да здравствует война!

Такие мысли были несовместимы с редактированием социалистического официоза, и Муссолини уходит из «Avanti». Его упрекают в беспринципности, в ренегатстве, на что он отвечает, что «лишь идиоты, лишь физические и духовные мертвецы никогда не меняются»; новая обстановка – новые правила поведения. А на бурном социалистическом собрании в Милане в ответ на шум и брань он бросает аудитории свою знаменитую фразу: «вы меня

ненавидите, потому что вы меня еще любите!» Он продолжает объявлять себя социалистом: «я социалист, и останусь им навсегда... социализм есть нечто, что входит в плоть и кровь».

14 ноября выходит первый номер его новой газеты «*Popolo d'Italia*». Орган откровенного и патетического интервенционализма, он в то же время отнюдь не расстанется с революционными идеями и терминами. Он носит подзаголовок «социалистическая газета» и в качестве своих девизов берет изречение Бланки: «революция – идея, обретшая штыки». Полные боевого национального пафоса, статьи Муссолини оснащены вместе с тем и звонкими революционными призывами.

«Сегодня война – завтра революция». С таким лозунгом Муссолини приступает к организации союза интервенционалистов – «*Fasci di azione rivoluzionaria*». Разумеется, он знает, что с точки зрения социалистической партии это – впадение в ересь, акт раскола. «Я верю, – пишет он, – что из этой группы людей, воплощающих в себе ересь и не боящихся раскола, вырастет нечто великое и новое».

«Наша интервенция – поясняет он свою позицию – имеет двойной смысл: национальный и интернациональный. Она направлена к распаду австро-венгерской монархии; возможно, что за ним последует революция в Германии и, в качестве неизбежного противодействия, русская революция. Короче, это шаг вперед на пути свободы и революции». И еще: «Война – тигель, выплавляющий новую революционную аристократию. Наша задача – ниспровергающая, революционная, антиконституционная интервенция, а вовсе не интервенция умеренных, националистов, империалистов».

Трудно сказать, в какой мере искренен субъективно был Муссолини в этих своих статьях. Объективная логика интервенционализма неотвратимо увлекала его от революционно-интернационалистических построений «социалистической войны» к национально-патриотической идее «Великой Италии». Правда, первоначальный штаб его отрядов состоял из ближайших его единомышленников, воспитанных на революционном синдикализме. Но та молодежь, в адрес которой направлял он свои пламенные призывы, воспринимала именно патриотический, именно национально-итальянский их пафос. Впоследствии фашизм наглядно вскрыл и углубил эту любопытную жизненную контроверзу.

Впрочем, нельзя отрицать, что сочетание революции и патриотизма исторически характерно для итальянского сознания вообще. В этом отношении вряд ли можно объяснить случайностью интервенционизм во имя революции, неистовую проповедь военного вмешательства со стороны вождя крайнего левого крыла итальянской общественности. Разве объединение Италии происходило не под знаком «родины и свободы» одновременно? Разве «Молодая Италия» Мацини не ставила «народ» непосредственно после «Бога» и рядом с Ним? Разве Гарибальди, национальный герой и знамя патриотизма, не провозглашал социализм «солнцем будущего»: «*il socialismo e il sole dell'avenire*»? Разве самый дух гарибальдизма, несшего «национальную свободу повсюду», не был напряженно интернациональным? Муссолини 14 года, несомненно, понятен и типичен в свете новой итальянской истории.

Молодежь союзов национально-революционного действия маршировала по улицам Милана, а потом и других городов, призывая войну как высшее счастье и распевая на все лады:

Abasso l'Austria
E la Germania
Con la Turchia
In compagnia!..

Уже спустя два месяца после рождения «Пополо д’Италия», в январе 1915 года, «Fasci» насчитывали свыше пяти тысяч участников. Они были разбросаны по всей Италии и беззаветно преданы единой идее, единому делу: война! Они не представляли собою политической партии, хотя военная дисциплина как-то органически связывала их. Но не было у них политической программы; они были совершенно вне текущей политики, вся сущность их объединения исчерпывалась единственным пунктом: «вмешательство Италии в европейскую войну». Если подыскивать подходящий термин, можно назвать такое объединение скорее лигой, чем партией.

Когда накануне окончательного решения король колебался, Муссолини выступил с огненной статьей, заканчивающейся прямой угрозой трону. «Честь и будущее отечества – писал он – в опасности; отечество – у жуткого распутия своей истории. Слово за народом! Или война, или республика!» («Popolo l’Italia», 15 мая 1915 г.).

Наконец, 20 мая час пробил, и Италия выступила на стороне Антанты во имя осуществления, по словам Саландры, «своих наиболее священных национальных стремлений».

Мир. «Испорченная победа». Наследие войны

Римское правительство заранее обусловило себе в переговорах с руководящими союзными державами те выгоды, которые должны были быть предоставлены Италии в случае победы. Союзники не скупились: ведь одновременно с ними торговался от имени германского императора Бюлов! Но последнему Рим имел возможность продать по обстоятельствам дела все-таки не более, чем нейтралитет. Цена крови была, естественно, выше.

26 апреля 1915 года в Лондоне Италией было подписано секретное соглашение с Англией, Россией и Францией. На основании этого соглашения она обязывалась выступить против союзных ей центральных держав, взамен чего ей были обещаны земли «неискупленной Италии» (*Italia irredenta*), Южный Тироль, острова Додеканеза, временно занятые ею еще в 1912 г. по Лозаннскому миру, часть области словенцев (Крайны). Истрия, большая часть Далмации, существенные права в Албании, а также значительные территориальные возмещения вне Европы при разделе Турции. Межсоюзный договор 21 августа 1917 года устанавливал, что Италии причитается западная часть Анатолии с Адалией и Смирной. Восточная часть Анатолии должна была отойти к России.

В то время как европейские державы ради выступления Италии шли, таким образом, широко навстречу ее государственным притязаниям, президент Вильсон в своих пресловутых «14 пунктах» 8 января 1918 года выражался суше и осторожнее. «Исправление границ Италии – гласил 9-й пункт его хартии – должно быть произведено на основе ясно различных национальных границ».

Это противоречие не замедлило обнаружиться на мирном конгрессе, в совещаниях великой пятерки и миродержавного триумvirата. Домогательства Италии, скрепленные лондонским документом, натолкнулись не только на принципиальную оппозицию Вильсона, но и на реальнейшее противодействие Сербии, превращающейся в Югославию. Она тоже имела свои интересы и тоже проливала кровь. Нельзя же было вместо итальянской ирреденты создавать славянскую! Приходилось волей-неволей, не забывая обещаний, выполнить их в несколько сокращенном объеме.

По Сен-Жерменскому мирному трактату (ст. 27) Италия получила: южную часть Тироля, Герц, Градиску, Истрию с островом Керсо, небольшие части Каринтии и Крайны, а также город Зару. Рапалльским договором 12 ноября 1920 года с Югославией был уточнен вопрос о Далмации, поделенной между обоими державами, причем город Зара с окрестностями и часть небольших островов Адриатического моря, прилегающих к Далмации, достались Италии.

Очень остро стоял на мирной конференции вопрос о Фиуме. Междусоюзный договор 1915 года обещал этот огромной важности адриатический порт сербам. Итальянское правительство решительно настаивало на присоединении его к Италии, обосновывая свои требования этнографическим составом населения спорной территории: на 25 тысяч итальянцев там жило всего 15 тысяч славян и не более 6 тысяч венгров. Вильсон, однако, энергично возражал, доказывая, что новое югославянское государство должно по справедливости получить выход к морю. Орландо, ссылаясь на итальянское общественное мнение, отказывался идти на уступки. В результате Трианонский договор (ст. 53) ограничился лишь установлением факта отказа Венгрии от верховных прав на Фиуме. И лишь вышеупомянутый Рапалльский трактат 1920 года после весьма красочных перипетий решил вопрос, объявляя Фиуме самостоятельной городской республикой: бессмысленный, насквозь искусственный компромисс, никого не удовлетворивший и повлекший за собою непрерывные смуты в новоявленной «республике». Окончательно фиумский узел был распутан много позже, римским соглашением 27 января 1924 года, в силу которого Фиуме отошло Италии, а находящаяся около

него и прежде входившая в его территорию гавань Барош – Югославии. Проблема Фиуме сыграла большую роль в послевоенной жизни Италии.

По Севрскому договору, Турция отказывалась от некоторых прав, которые еще сохраняла в Ливии (Триполи). Кроме того она обязывалась уступить Италии 12 островов Додеканеза с тем, правда, чтобы Италия, согласно требованиям национального принципа, передала их Греции. По соглашению с Грецией, Родос и Кастеллариццо оставались Италии. Нужно, впрочем, отметить, что передача Додеканеза Греции так и не состоялась: лишенная обещанных компенсаций в Малой Азии вследствие успехов турецких националистов, Италия, уже устами Муссолини, заявила, что она удерживает Додеканез за собой. Лозаннский мир 1923 г. закрепил его за нею. Но в борьбе фашистов против Нитти его либеральная уступчивость («отреченство») в эгейском вопросе оказалась использованной сполна.

В сущности говоря, мирный договор отнюдь не был неблагоприятен для Италии. Она добила много. К ней вернулась львиная доля ирреденты, а северная полоса Южного Тироля, населенная немцами, досталась ей даже вопреки национальному принципу, равно как и Герц, Истрия и Градиска, населенные почти сплошь словенцами, и Зара, по преимуществу сербский город. В дни Версаля тирольский ландтаг неоднократно пытался протестовать перед вершителями мировых судеб, взывая к «бескорыстной справедливости», возвещенной народам с высоты заокеанского величия и благородства. Но стратегические соображения, представленные Орландо, оказались убедительнее принципиальных жалоб, исходящих от побежденных...

Помимо территориальных приобретений, Италия вышла из войны с чрезвычайно упрочившимся международным положением. Рухнула Австро-Венгрия, ее злейший «наследственный враг». В этом отношении Италия оказалась даже счастливее своей великой северной соседки, так и не купившей полного спокойствия, несмотря на всю полноту победы. Германия, устоявшая в катастрофе, утратила для Италии, как и для Англии, свое жало, превратившись в полезный фактор международного равновесия, в уместный противовес усилившейся Франции. Трудно оспаривать, что победа принесла итальянскому государству прочную возможность развития и надежную основу для уверенности в завтрашнем дне.

Однако сама Италия восприняла свою победу иначе. Итальянское «общественное мнение», забывая реальные достижения победоносного мира, сосредоточило на союзниках всю силу национального негодования. Союзники не исполнили своих обязательств. Они много обещали в минуты опасности, и отреклись от слова, когда трудные дни прошли. «Мы ограблены Клемансо, мы обмануты Вильсоном!» – гремели возбужденные голоса, втихомолку подстрекаемые подчас и самим правительством. Ужели был прав старик Джаиолитти? Ни в Далмации, ни в Албании не добилась Италия осуществления своих надежд. Ей не уступают даже Фиуме, города итальянского по традиции и по большинству населения. Вместо Австрии появился новый смертный враг – сильная Югославия. О колониях нечего и говорить: приходится оставаться все с теми же Ливией и Эритреей, по-прежнему взирая с бесплодной завистью на богатых и счастливых соседей. Союзники проявили черную неблагодарность. Везде и повсюду – «победоносная тирания англо-французской плутократии, которая, навязав миру чудовищный по своей исторической несправедливости и цинизму Версальский договор, приложила все усилия к тому, чтобы лишить нас элементарных и священных плодов нашей победы. И ей удалось это! Наша победа на деле оказалась лишь оборотом литературной речи, а наша страна очутилась в разряде побежденных и удушенных стран» (Дино Гранди).

Многие итальянские патриоты искренно и возмущенно утверждали, что война прошла для их родины впустую.

«Я в Италии, – пишет русский автор Сандомирский, – с большим интересом прослушал речь одного видного экономиста, который, старательно избегая парадоксов, доказал, что для

Италии, с экономической стороны, в сущности, никакой разницы не было бы, если бы она оказалась не в стане победителей, а в стане побежденных стран». Понятно, что разочарование в «испорченной победе» – *sconfitta vittoria!* – превращалось в источник националистической досады, даже патриотического гнева, – и рождало лозунг: «исправление победы!». Мало выиграть войну, – нужно уметь выиграть и мир, спасти победу.

Нужды нет, что версальские диктаторы сами бились над квадратурой круга. Им приходилось разбирать национально-государственные конфликты внутри собственной коалиции, быть справедливыми одинаково ко всем: к Италии и к Сербии, к Румынии и к Чехословакии. Им, очевидно, оставалось руководствоваться афоризмом Тьера, сказавшего, что удачными следует назвать те договоры, которые не удовлетворяют целиком ни одну из сторон. Италия мечтала об Адриатике, Сербия мечтала... о ней же. Обе полагали, что другая сторона может немного потесниться и удовлетвориться... за счет побежденных. Но это оказалось далеко не так просто: в Европе тесно. Конечно, легче было провозглашать на словах либеральные принципы равенства наций, нежели примирять на деле противоречивые интересы государств. Ллойд-Джордж и Клемансо не испытали «разочарования в победе»: демократические и гуманитарные обоснования войны были для них всегда не более, чем добротным предметом национального вывоза. Но, не испытывая разочарования, они встречались на конгрессе с рядом второстепенных трудностей, заведомо не разрешаемых; им оставалось разрубить эти гордые узлы с максимальными удобствами для своих стран. Можно ли упрекать за это? Можно ли слишком негодовать, что они не захотели ссориться с Вильсоном, неповинным в их прежних посулах Италии, и не чересчур горячо отстаивали ее безбрежные вождения, еще подогретые славой Витторио Венето?..

Пусть так. Но горечь национальной обиды нельзя было вытравить этими холодными и немного грустными доводами от разума. Италия казалась сама себе «великой пролетаркой», преданной своими богатыми сестрами. И в сложной послевоенной обстановке постепенно зарождались настроения, ставшие год или два спустя психологической средой торжествующего фашизма. Говорят, если спросить в Италии: «откуда взялся фашизм?» – неизбежно последует ответ: «фашизм порожден гневом воинов»...

Возвращаясь с фронта, военная молодежь заставляла дома неприглядную картину. К разочарованию в союзниках и в «целях войны» прибавлялись тягостные впечатления бедности и несовершенств окружающей жизни. В богатых отелях веселились иностранные туристы, по-прежнему трактующие Италию, как страну певцов, музеев, гидов и художников. Рядом с наглым счастьем военных нуворишей и тыловых выскочек, этих «акул» (*pescicani*) спекуляции и военного индустриализма, – зияла нищета, стонала нужда, гнездилась законная зависть. Создавалась благоприятная почва для уверений, что «война нужна была только капиталистам». В то время как французские солдаты возвращались домой героями, в ореоле славы, любви и благодарности, окруженные общим национальным восторгом, и весь мир слышал их поступь на ликующих Елисейских Полях, – ничего подобного не видели, расходясь по домам, воины итальянской армии. Сурово встретила их родина: усталостью, хозяйственной неурядицей, политической неразберихой и заботами, заботами, заботами... Многие находили свои места занятыми и не знали, куда деваться. Ощущалось перепроизводство интеллигенции, нищавшей, как никогда. В университетских городах, вследствие дороговизны жизни и, в частности, квартир, наблюдалось опустение университетов. Словом, надвигалась жестокая реакция истощения после нечеловеческого подъема и надрыва войны.

Разумеется, огромную, если не основную, роль во всех этих национально-государственных осложнениях играл экономический фактор. Италия – небогатая страна, и военное напряжение отразилось на организме ее крайне болезненно. Победа застала ее уже достаточно надорванной и, конечно, меньше всего была способна принести собой мгновенное исцеление. Скорее, напротив, наступил самый трудный, экономически наиболее опасный

«переходный период», когда нужно было переводить жизнь государства с пути лихорадочного, изнурительного военного хозяйствования в русло нормальной экономики мирного времени. Правительства передовых западных государств заранее вырабатывали план действий на этот переходный период. Но в Италии страна вступала в мирную полосу неподготовленной и правительство не имело определенного, продуманного плана экономической политики.

Война создавала видимость промышленного процветания государства. Увлечение крупной индустрией, невероятно распухшей по военным соображениям, не прекращалось и после заключения мира. Правительство испытывало в сфере этого вопроса энергичное давление со стороны буржуазии, заинтересованной в государственной поддержке промышленных предприятий. Банки, связанные с индустрией, в свою очередь давили на власть и парламент всеми способами. Вместо сокращения убыточной промышленности (Италия бедна промышленным сырьем – железом, углем), правительство подчиняло свою политику ее нездоровым интересам, устанавливало ультрапротекционистский тариф на промышленные товары, тщетно добивалось перед союзниками распределения мирового сырья между державами-победительницами, шло на субсидии и т. д. Настаивая на поддержке, буржуазия пользовалась демагогическими аргументами, указывала на рабочих, которые пострадают, если закроются фабрики, запугивала призраком социальной революции и пела гимны индустриализации страны. В результате государство, продолжая жить не по средствам, погружалось в тяжкий финансовый кризис, лира неуклонно падала, угрожая уподобиться русскому рублю и германской марке. «Инфляция военной промышленности» в корне подрывала национальное хозяйство. Экономический и финансовый беспорядок стал явственно проявляться уже к осени 1918 года и дошел до апогея к концу 1921-го.

Италия – страна аграрная по преимуществу и земледелие является подлинной основой ее материального благополучия. Увлечение индустриализмом не могло не вести к ущемлению интересов сельского хозяйства. И хотя итальянская деревня, в свою очередь, переживала тогда острый период пестрых социальных брожений, – она не могла хотя бы инстинктивно не реагировать на разорительную политику города. В последующие годы фашизм широко использовал эту инстинктивную реакцию. Советский автор Н. Иорданский, несомненно, приближается к истине, неоднократно подчеркивая в своей статье о «судьбах фашизма» роль деревни в успехах фашистского движения; по его мнению, «фашизм – порождение крестьянско-кулацкой стихии, которая притягивает к себе мелкобуржуазные элементы городского населения». Быть может, такая формулировка слишком односторонняя и прямолинейная; но было бы еще более ошибочным недооценивать, как это делает другой советский автор Н. Мещеряков, влияние социальных интересов крестьянства на политику фашизма. Из четырех миллионов участников войны не менее трех с половиной миллионов пришли из деревни. Могла ли партия комбатантов не считаться с ними!..

Как бы то ни было, переходный период от войны к миру протекал в Италии чрезвычайно болезненно. Патриотический гнев смешивался с патриотическим разочарованием, атмосфера была насыщена социальными конфликтами и политическими кризисами. Росло сознание необходимости каких-то радикальных мер, сильно действующих средств. Повсюду царило недовольство, подсказывающее большие революционные пути: «как некогда римская волчица вскормила пару близнецов, Ромула и Рема, – так это многоликое послевоенное недовольство вскормило новую пару близнецов – большевизм и фашизм».

Революционное наступление. Нитти. Социалисты. Пополяры

Война велась вооруженными народами. В демократических государствах правительствам приходилось особенно чутко прислушиваться к широким народным массам, особенно напряженно считаться с их настроениями. Подчас «курс на массы» выражался даже в «ухаживании за массами». Война принесла с собою не только подъем великого героизма, доблести, жертвенности, но также разнуздывала дурные страсти, разжигала жадность, развязывала аппетиты различных социальных групп – и буржуазии, и крестьян, и рабочих. Народ богател за счет государства; но, конечно, это было внутренне порочное и в конечном счете призрачное обогащение. Оно таило в самом себе расплату за себя.

В Италии радикальные лозунги безвозбранно гуляли по городам и весям, взбудораженным военной грозой. Социалисты пользовались удобным случаем усилить свою пропаганду на соблазнительные темы: «земля – крестьянам, фабрики – рабочим!» Посев попадал на благодарную почву и готовил пышные всходы.

Мир всколыхнул народное море, массы обратились к власти с требованием оплаты выданных им векселей, многие из которых, впрочем, были подложными. Не получая ожидаемых благ, даже, напротив, ощущая приближение крутых времен экономии, безработицы, обесценения денег, слыша призывы к терпению и самоограничению и, с другой стороны, вдохновляясь обольстительными призывами к революции, крестьяне и рабочие стали и впрямь переходить к методу «непосредственных воздействий». Они практически усваивали мысль, что их освобождение должно быть делом их собственных рук.

Крестьянам нравилась идея упразднения помещиков, и социалистическую агитацию они воспринимали прежде всего под знаком этой идеи. Деревня широким фронтом при всем своем внутреннем расслоении, пошла в атаку на «латифундии», где они сохранились, и на земледельцев. Крестьянство, – этот, по определению Ллойд-Джорджа, «наиболее устойчивый и благонадежный класс современного общества», – выходило в Италии, как и в других странах, на большую историческую арену. Но только в Италии ему пришлось, прежде чем стать «устойчивым и благонадежным», пережить краткий период брожений и борьбы.

По стране прокатывается волна аграрных беспорядков. В ряде местностей они кончаются благополучно: добровольным выкупом земли. Но там, где, как на юге, помещики упорствуют, волнения превращаются в погромы. Вместе с тем обостряются взаимоотношения различных групп внутри самого крестьянства, причем сельский пролетариат (*braccianti*) становится предметом воздействия наиболее крайних и решительных революционных элементов. Для батраков и хуторки в десяток-другой гектаров кажутся лакомой добычей и, следовательно, их нынешние владельцы – ненавистными кулаками, буржуями, которых не грех пощипать. Это усложняет и без того непростую аграрную проблему. Правительство стремится пойти навстречу разумным домогательствам крестьян, социалисты и католическая народная партия вносят в парламент законопроект о немедленной экспроприации необработанных частновладельческих земель. В октябре 1919 года король делает благородный жест: торжественным актом он отказывается в пользу государства от большей части своих владений. Но и проводимые властью некоторые мероприятия, направленные к устранению земельного крестьянского голода, не могут ввести в берега взволнованную народную стихию.

Центром развивавшихся событий в эти переходные годы суждено было, конечно, стать городам и рабочему движению. Требования рабочих непрерывно возрастали. Улучшив во время войны свое материальное положение за счет государства, рабочий класс не только

не хотел расставаться с достигнутыми благами, но стремился их закрепить и приумножить. Препятствия лишь раздражали и озлобляли его. Ослепительным маяком освещал его борьбу огромный и шумный русский пример, – то, что теперь западная литература называет «русским мифом». Россия Ленина, больше почувствованная, нежели понятая, воспринималась итальянскими массами, как символ социальной справедливости, награда измученным окопникам, наказание военным акулам, Немезида коварной Антанте. Не коммунизмом, а «властью рабочих, солдат и крестьян» привлекала она сердца. Третий Интернационал, с своей стороны, внимательно следил за развитием итальянских событий и рекомендовал своим сторонникам испытанный русский метод: осуществлять всеми средствами коренное разрушение наличной государственной машины, дабы уже на обломках строить своими руками новый мир. «В Италии, – писал Исполком Коминтерна в октябре 1920-го года, – имеются налицо все необходимые условия для победоносной революции, кроме одного, – кроме хорошей организации рабочего класса». Русские большевики досадовали, что итальянская социалистическая партия проявляет в критические моменты слишком мало революционного дерзновения.

В 1919 году у власти было министерство Нитти, представителя новой итальянской прогрессивной буржуазии, профессора, впоследствии прославившегося своими книгами о послевоенной Европе. Всецело проникнутый демократическими и социальными идеями, он хотел изжить надвигавшийся кризис путем гуманных мероприятий в духе «священных идей о новой демократии труда» (из его декларации 9 июля 1919 года). Он преломленно отражал своей политикой настроения промышленной буржуазии и связанных с нею банковских кругов. На него впоследствии много клеветали, – напрасно: лично это был вполне чистый человек. Он говорил о том, что нужно «связать капитал с трудом», и потому старался ладить с левыми группировками. В сущности говоря, он всего и всех боялся – боялся союзников, собственной армии, социалистов, волонтеров д'Аннунцио. Грозящую революцию он рассчитывал предотвратить реформами; – правильная идея, но только не тогда, когда революция уже у ворот. Тогда мало хороших намерений, – нужна сила, чтобы претворить их в жизнь, нужна власть, способная повелевать, принуждать и действовать. Нужна идея, покоряющая и завораживающая, жгущая сердца людей. Такой силы, такой власти и такой идеи у парламентарного итальянского правительства в те времена не было. Невольно по аналогии вспоминается русское Временное Правительство 1917 года...

«Никто не имел мужества быть тем, чем ему быть надлежало, – характеризует эти годы Муссолини. – Буржуа принял социалистический облик, а социалист оказывался обуржуазенным до мозга костей. Вся атмосфера состояла из полутонов – *mezze tinte*». Особенно приметно ложились эти сумеречные блики на лик официальной государственности...

Между тем, рабочая революция наступает безостановочно. В феврале 1919 года металлургические предприятия принуждены заключить с главной конфедерацией металлургов коллективный договор, на основании которого устанавливается восьмичасовой рабочий день и признается за рабочими ряд прав и выгод. Исполнение договора обеспечивалось фактическим рабочим контролем. Но уже вскоре после этого компромисса вспыхнула забастовка 300 000 рабочих, выдвинувших новые требования. Предприниматели, в значительной степени под давлением Нитти, пошли на новые уступки. Конечно, они надеялись – и не без основания – переложить на плечи государства тяготы, обусловленные этими уступками: война их избаловала⁴. Но революция не останавливалась в своих домогательствах: напротив,

⁴ Война резко отразилась на подъеме металлургической промышленности в Италии; к 1918 году число занятых в ней рабочих дошло до полмиллиона. Вместе с тем война принесла предпринимателям крутое повышение прибыли: до войны дивиденд всегда держался ниже 4 %; в 1917 г. он достигал уже 7,5 %, а в 1919 г., в некоторых предприятиях, поднялся до 10 % (Michels, цит. соч. с. 204–205). При таких условиях, рабочие могли достаточно обоснованно настаивать на своих требованиях.

каждая победа вдохновляла ее на дальнейшую борьбу. Наиболее крайние, наименее осмысленные притязания рабочих поощрялись ее идеологами: им нужно было доконать буржуазию окончательно и всерьез.

Наряду с рабочими волнениями под флагом защиты экономических интересов трудящихся, происходят и открытые политические выступления пролетариата. 18 февраля – спустя четыре месяца после перемирия – на улицах Милана шумит десятитысячная демонстрация ярко большевистского стиля. В апреле разражается забастовка протеста против запрещения манифестации в честь Ленина. Особенно бурно протекает она в Милане. Весь май полон стачек. В июле чествуют память К. Либкнехта и Розы Люксембург, причем Турин отмечает скорбь общей забастовкой. Там и здесь – осложнения, схватки, кровь. Возникновение фашистской организации, сначала скромной и немногочисленной, относится к этому же времени: 23 марта в Милане состоялось первое ее собрание.

Осенью, в атмосфере разгорающейся анархии, начинается предвыборная компания к выборам в новую палату. В эти же дни, в начале сентября, пресловутые «ардити» Габриэля д'Аннунцио захватывают Фиуме. 17 сентября депутат-социалист Модильяни под шумные аплодисменты левой произносит парламентскую речь с провозглашением итальянской республики. Улицы городов пестрят манифестациями под ярко большевистскими лозунгами. На конгрессе *Federazione dei Lavoratori della Terra*, представляющем до полумиллиона членов, раздаются недвусмысленные предложения насчет обобществления средств производства.

Правительство мечется между враждующими станами, стремясь удержать равновесие. Нитти выступает против д'Аннунцио с горячей речью 13 сентября в палате: «Кто возбуждает умы, – говорит он, – тот предает интересы родины. Италии необходимо создать за границей впечатление, что она заслуживает доверие, столь ей необходимое. Политика авантюры приведет нас к анархии и нищете. Рабочие и крестьяне должны парализовать всякую опасную авантюру. Они должны нам показать пример самоотречения и долга». Но в это время «рабочие и крестьяне» были меньше всего с правительством. Пугая д'Аннунцио революционной демократией, а последнюю – «угрозой реакции», ища поддержки рабочих, но вместе с тем опираясь на банки и развращенную войной промышленную буржуазию, Нитти терял повсюду опору и престиж. Государство переживало кризис. Острее всего это сказывалось в кризисе правительства. До чего оно было запугано, ясно хотя бы из такого анекдотического факта: отправляясь на конференцию в Сан-Ремо, не одобряемую итальянскими рабочими, премьер побоялся ехать по железной дороге и тайком пробрался туда на миноносце.

Выборы 16 ноября 1919 года происходили по новому избирательному закону, проведенному Нитти. От прежнего он отличался большею демократичностью и применением пропорциональной системы. Если в выборах до закона 1912 года принимало участие менее трех с половиною миллионов человек (т. е. 8,5 % населения), если в 1913 к избирательным урнам явилось до восьми с половиною миллионов (21,5 % населения), то в 1919 г. общее число избирателей поднялось до 11.115.441 (29,3 %). Не без основания утверждали, что политически новый закон означал собою самоубийство старой либеральной олигархии. Что касается пропорциональной системы, то она умеряла политико-исторические контрасты Италии: не будь ее, представительство Севера было бы в 1919 году сплошь социалистическим, а Юг не имел бы вовсе депутатов-социалистов.

Результаты парламентских выборов были благоприятны двум левым политическим группировкам: социалистам и народной католической партии (*popolari*). Первые получили 156 депутатских мест, вторые – 100. Нитти, ожидавший более благоприятных правительству результатов, пережил неприятное разочарование.

Среди социалистических депутатов были представители умеренного, реформистского течения (Турати), но преобладало левое крыло. Московское влияние крепчалось: социальная

революция, увенчанная советским государством, представлялась большинству итальянских социалистов желанной и ближайшей целью. В марте 1919 исполнительный комитет партии вынес постановление о присоединении к Третьему Интернационалу, а в октябре того же года на партийном съезде в Болоньи прошла коммунистически звучащая резолюция, предложенная Сератти и его группой: провозглашались насильственные методы революционного действия во имя диктатуры пролетариата и установления советов. Правда, «присоединяясь» к Москве, итальянские социалисты не отдавали себе полного отчета в подлинном значении и последствиях этого акта. Но могла ли протекать спокойно и плодотворно работа парламента при наличии таких связей у 30 % депутатов?

Нужно, однако, сказать, что социалистической партии не посчастливилось: в критический период она вступала без ярких фигур. Пылкий деятель левого, революционного ее фланга, волевой и темпераментный Муссолини, круто порвал с нею. Министериабельный Биссолати уже давно отошел вправо от ее основной линии. Турати тоже менее всего разделял экстремистские симпатии и, при всем своем славном прошлом, вовсе не годился в революционные герои. Правые, реформистские элементы социализма были вообще чужды нарастающему движению, усматривая в нем, согласно выражению д'Арагона, не более, нежели коллекцию «псевдореволюционных безумств». Сератти, лидер тогдашнего партийного большинства, несмотря на свое москвофильство, не был склонен слепо следовать русской указке, а собственные его рецепты неизменно страдали тою «центристской» половинчатостью, которая опять-таки мало подходила для победоносного углубления революции. Из экстремистов тоже никто не обнаруживал качеств, необходимых для общепризнанного и общенародного революционного вождя.

Нельзя отрицать, что в дни оживленнейшего революционного подъема взволнованных масс итальянский социализм оставался по существу социализмом парламентских кулуаров и газетных статей. Муссолини презрительно называл его «макаронным социализмом» и в свое время неоднократно его призывал сменить кулуары на площадь, вдохновиться прямым революционным действием. Но революционное массовое действие нарастало в послевоенные годы само по себе, «коммунизм улицы» накалился стихийно, и оформить его, дать ему разум и душу не суждено было паркетному бомонду партийного социализма⁵.

Другой политической группировкой, вышедшей на парламентскую авансцену в результате новых выборов, была католическая народная партия, Partito Popolare. Она пользовалась на первых порах огромным успехом в стране. «Если 1922 г. был час, когда вся Италия была более или менее фашистской, то в 1919 был час, когда она была вся более или менее популяристской» – утверждают итальянцы. Официально сформировавшаяся лишь в январе 1919 г., уже через несколько месяцев, на выборах, молодая партия получает 1 200 000 голосов и сотню депутатских мест: успех молниеносный!

Она им обязана своей программе, своей идейной окраске, своему социально-политическому облику. Благочестивые католики Италии, согласно знаменитой папской энциклике *Non expedit*, долгое время не принимали участия в парламентских и даже муниципальных выборах. Итальянское государство создавалось в конфликте с Ватиканом, и последний призывал своих верных сынов бойкотировать учреждения ненавистного королевства: «не

⁵ «Итальянский коммунизм был сумбурней и анархичней русского, – пишет испанский автор Камбо: – у него не было ни программы, ни вождя. Он был не чем иным, как взрывом злобы и пессимизма, без русла и направленности, словно поток лавы или вышедшая из берегов река». Что касается Муссолини, то стиль социалистического мирозерцания его молодости выпукло выражен в следующих его словах: «Социализм – не торговая сделка, не игра политиков, не мечта романтиков, и еще меньше – спорт... Социализм – это нечто жестокое, строгое, нечто сотканное из противоречий и насилия. Он – война; и горе мягкосердечным в этой войне: социализм – это страшное, серьезное и высокое дело». Любопытно сопоставить с этою точкой зрения ленинский взгляд на диктатуру: «Диктатура слово большое, жестокое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох. Таких слов на ветер бросать нельзя». (Собрание сочинений, т. XVII, 1923).

elettari, ne ellitti». Но в 1913 году Джиолитти, дабы предотвратить торжество социалистов на демократических выборах, просил Святой Престол разрешить католическим избирателям исполнить свой долг. Согласие папы Пия X на известных условиях было получено («Pakt Gentiloni»), и католики голосовали за либералов, обеспечив тем самым правительству большинство.

Война отдалила католические массы от либералов, и образовавшуюся пустоту непосредственно наполнили свои люди, лидеры католических организаций, сочетавшие преданность церкви с ярко выраженным радикализмом политической и социальной программы. Они не были интервенционистами, но приняли войну как национальный долг. Они не были социалистами, но настаивали на широких реформах существующего государства. Они не были революционерами и стремились к мирному преобразованию, но не всегда обходились без демагогии революционного оттенка. Вот почему некоторые из них заслужили прозвище «черных революционеров».

С согласия Ватикана, 18 января 1919 года группа таких вождей католических организаций провозгласила образование особой католической народной партии и обнародовала ее программу. Видно было, что при ее составлении принимались во внимание прежде всего интересы деревенских масс. Но в то же время новая партия отнюдь не хотела замыкаться в какие-либо классовые рамки и претендовала на общенародное признание. Было в ней нечто от идей «христианской демократии» и даже, пожалуй, «христианского социализма». Она стремилась обнять в своей деятельности разнообразные стороны государственной жизни. Неприкосновенность семьи, свобода образования, защита синдикальных организаций, развитие кооперации, процветание мелкой земельной собственности (против централизаторского капитализма), административная децентрализация (вопреки централистской тенденции либералов), свобода и независимость церкви, налоговая реформа с введением прогрессивного обложения, политическое равноправие женщин, преобразование парламентских учреждений на основе представительства интересов – вот какие пункты содержала в себе программа народной партии. В области внешней политики подчеркивался, с одной стороны, принцип национальной защиты и национальных интересов, упоминалось о необходимости урегулировать проблемы эмиграции, колоний и сфер влияния, а, с другой стороны, провозглашались почтенные начала международной солидарности, прогресса, гуманности: участие в Лиге Наций, международный арбитраж, недопустимость тайных договоров, обязательное межгосударственное разоружение, международное социальное законодательство.

Партия объявляла себя христианской, но не клерикальной в привычном смысле слова, а «внеконфессиональной», светской и свободной в своих действиях. Однако во главе ее, в качестве генерального секретаря, стоял священник Дон-Стурцо, подчиненный дисциплине католической церкви. Руководя партией, он руководил и парламентской ее фракцией, сам не будучи депутатом. Сухой, тощий, черный, он был воплощенной энергией, живым и властным организаторским порывом. В его крови сицилийское солнце смешивалось с католической выучкой.

Пополары самоопределились как партия центра в эти тревожные, боевые годы, когда никогда не торжествует центр. Выступая против старых партий за их консерватизм и против революционеров за их революционность, лидеры пополаристов надеялись стать устойчивым элементом неустойчивого равновесия. Сначала они привлекали симпатии: буржуазия ценила их эволюционизм и хотела в них найти якорь спасения от социальной бури, рабочие видели в них партию социального прогресса, враждебную классовому эгоизму старых либералов, в деревнях их кооперативы, сберегательные кассы, кредитные товарищества имели успех. В их «белых синдикатах» многие пытались нащупать оплот государственного и соци-

ального порядка. Впоследствии сами они ставили себе в заслугу, что в 1919–1920 годах их организации спасли Италию от красной анархии.

В парламенте партия принимала деятельное участие в различных кулуарных комбинациях, помогала организации министерств, но для себя воздерживалась от портфелей: по-видимому, она сама признавала некоторую несвоевременность своих децентралистских устремлений. Она с головою ушла в «малые дела», а от нее ждали если не «великих», то ярких и смелых, полных инициативы и понимания момента. В зигзагах парламентской политики, неизбежно изворотливой и оппортунистической, она постепенно растеряла симпатии, ее окружавшие, и не оправдала надежд, на нее возлагавшихся. По существу, она, пожалуй, и не могла привнести чего-либо существенно нового к линии тогдашних кабинетов: тот же ассортимент радикальных идей и добрых намерений, которыми вымощен ад! Не того требовала логика углубленной революции: ей нужен был энтузиазм веры, закрепленной властной волей непреклонного авторитета.

Но откуда же прийти вере и авторитету? – Вот проклятый вопрос, во всей своей неумолимости стоявший тогда перед страной. Прежде, чем на него ответить, истории угодно было подвергнуть итальянскую государственность достаточно крутым испытаниям.

Джиолитти. Захват фабрик и соглашение 19 сентября 1920-го. Красный призрак

Положение страны ухудшалось с каждым месяцем, все ярче разгорался костер анархии. Правительство Нитти продолжало свою политику усиленного покровительства промышленности и снисходительного отношения к растущим аппетитам рабочих союзов. Но изменившееся после выборов соотношение сил в парламенте не могло все же не отразиться на его судьбе. Пополяры, опиравшиеся по преимуществу на деревню, восставали против нездорового сверхиндустриализма, невыгодного крестьянству. Социалисты, со своей стороны, отказывали в поддержке буржуазному правительству, связанному с банками. И в июне 1920 г., в разгар рабочих волнений, министерство Нитти пало, поскользнувшись на вопросе о «политических ценах» на хлеб: искусственное понижение цен на продукты сельского хозяйства, проводимое еще со времени войны в угоду рабочим, больно било по карманам и государства, и крестьянства.

На посту премьера, вместо ушедшего Нитти, появился старый знакомец, мудрый и опытный Джиолитти, *le conspue*, «торговец августовским солнцем», казалось, войною вовсе загнанный в небытие. Трудно было думать, что он воскреснет после своего нейтрализма 1914 года. Его воскресило послевоенное похмелье, примирившее с ним «общественное мнение», и в трудные, критические минуты национальной жизни он снова очутился у государственного руля.

В отличие от Нитти, он был далек от новорожденной финансовой и промышленной аристократии, шиберской знати. Всегда и раньше отстаивал он идею приоритета сельского хозяйства перед индустрией в Италии, бедной промышленным сырьем. Тем более теперь он ставил своей задачей в первую очередь обуздать непомерно распухшую индустрию, непосильным бременем лежащую на государстве.

Задача эта повелительно диктовалась экономическим положением государства. Однако практическое решение ее неизбежно сталкивало власть не только с капиталистами, но и с рабочими, также кровно заинтересованными в сохранении наличного порядка поддержек и субсидий. По обстановке, это было опасно, и Джиолитти стремился всячески завуалировать сущность своей программы внешним заострением ее не против рабочих, а против капиталистов. Он обещал провести закон о конфискации военной сверхприбыли, нарядить следствие по вопросу о военных издержках и, учитывая «разочарование в войне», декларировал, что будет настаивать на переходе к парламенту права объявлять войну и заключать трактаты.

Но когда правительство устами министра труда Лабриолы выдвигало примирительную формулу: «нужно готовить новый режим», – слева запальчиво отвечали: «он уже готов». Революция не хотела ждать, – она противопоставляла себя реформе. Она вдохновлялась убеждением, что освобождение рабочих должно быть делом их собственных рук.

При всей серьезности своих стремлений оздоровить хозяйство страны и при всем понимании причин его расстройств, Джиолитти не был в состоянии осуществить намеченные мероприятия. Он спотыкался на каждом шагу, встречая оппозицию одновременно предпринимателей и рабочих, банков и кооперативов. Он принужден был рекомендовать предпринимателям идти навстречу требованиям рабочих: «во имя мира». Когда в палате ему указывали на чрезмерность требований и пагубность бесконечных уступок, он восклицал не без отчаяния: «да, но мы же не можем допустить заводы закрыться!» И военная ситуация в экономике искусственно продолжалась, затопляя население бумажными деньгами, углубляя кризис. К 1921 г. в стране вращалось 22 миллиарда банковых билетов: за два года их сумма возросла на 8 миллиардов! Курс доллара за 1920 год поднялся с 13 до 28 лир. Коммерческий

баланс на 1921 г. выражался в угрожающих цифрах: 20 миллиардов импорта на 9 экспорта. «Перераспределение богатств!» – кричали шумливые политики. «Растрата национального богатства» – констатировали экономисты.

Революция имела два штаба: социалистическую партию и Всеобщую Конфедерацию Труда. Как «вещь чрезвычайно авторитарная», она требовала властного и централизованного руководства, проникнутого сознанием поставленной цели и средств ее достижения. Внешние события разворачивались для нее более или менее благоприятно. Многое зависело от воли, ее организующей, цели, ее направляющей, и разума, ее осмысливающего.

Всеобщая Конфедерация Труда насчитывала уже в 1919 году свыше двух миллионов членов. Социалистическая партия к моменту своего предельного расцвета, осенью 1920, обладала 156 местами в палате, 2022 коммун (между прочим, муниципалитетами в ряде крупных городских центров, напр., в Милане, Флоренции, Болоньи, Ферраре), тремя тысячами партийных секций и тремястами тысяч членов. Силы, несомненно, немалые. Но внутри руководящих органов непрестанно шли трения, нестроения, горела внутренняя борьба. Иначе, впрочем, и быть не могло: всякая революция разворачивается «диалектически», через противоречия.

Тактика Третьего Интернационала по отношению к международному социалистическому движению была, как известно, направлена к «вышелушиванию» монолитных коммунистических когорт из наличных социалистических партий. Отсюда и знаменитые «21 условие» вступления в Коминтерн, выработанные в августе 1920 вторым его конгрессом. «Условия» обеспечивали жесткий централизм партийного аппарата и безоговорочную дисциплину партийных рядов, предписывали строгую коммунизацию всей организационной и пропагандистской деятельности партии, предрешали верховную гегемонию Москвы и предписывали суровую «чистку» партийных рядов от всяких реформистских, «соглашательских» элементов. По отношению к итальянской партии специально был заклеямен Турати и особенно подчеркнута необходимость прочистить парламентскую фракцию⁶.

Московские требования вызвали глубокие разногласия внутри итальянских социалистов. Сначала, 1 октября, в Центральном Комитете партии семью голосами против пяти (в том числе Серрати) прошла коммунистическая резолюция. Но уже 11 октября в Реджио Эмилия правое крыло открыло конференцию протеста, прошедшую под знаком триумфа Турати. А в январе 1921, в атмосфере начавшегося революционного отлива, конгресс в Ливорно формально завершил партийный раскол, превратив одну партию в две: социалистов и коммунистов. Последним, однако, бедным людьми и влиянием, так и не удалось удержать революцию от угасания.

Периодом наивысшего революционного подъема в Италии следует считать лето и осень 1920. Бушевал забастовочный психоз. Еще в начале года разразились грозные забастовки почтово-телеграфных и железнодорожных служащих. В июне же, когда уходил Нитти, многим казалось, что час большевистской революции окончательно пробил в стране. Рабочее движение нарастало стихийно и победоносно. Пролетарские организации брали

⁶ В своей статье «Фальшивые речи о свободе» (4 ноября 1920 года) Ленин анализировал положение Италии и обосновывал позицию Коминтерна. «Теперь – писал он, – самое необходимое и безусловно необходимое для победы революции в Италии состоит в том, чтобы действительным авангардом революционного пролетариата в Италии сделалась партия вполне коммунистическая, неспособная колебаться и проявить слабость в решительный момент, – партия, которая бы собрала в себе максимальный фанатизм, преданность революции, энергию, беззаветную смелость и решимость. Надо победить в чрезвычайно трудной, тяжелой, несущей великие жертвы борьбе, надо отстоять завоеванную власть в обстановке невероятно обостренных покушений, интриг, сплетен, клевет, внушений, насилий со стороны буржуазии всего мира, в обстановке опаснейших колебаний всякого мелкобуржуазного демократа, всякого туратианца, всякого «центриста», всякого социал-демократа, социалиста, анархиста. В такой момент и в такой обстановке партия должна быть во сто крат тверже, решительнее, смелее, беззаветнее и беспощаднее, чем в обычное или менее трудное время» («Собрание сочинений», т. XVII).

всю экономическую жизнь страны под свой контроль. Повсюду красовались портреты Ленина, звучали коммунистические призывы. Июль ознаменовался военным мятежом в Анконе.

В конце мая в Генуе собирается съезд металлистов для выработки новых экономических требований. 18 июня выработанные условия предъявляются федерации промышленников. Идет речь о повышении заработной платы на 60 %, об участии рабочих в прибылях, о проведении реального рабочего контроля, о паритетных комиссиях и т. д. Предприниматели уклоняются от удовлетворения требований, считая их экономически невыполнимыми. Стороны совещаются, пытаются договориться, но соглашение не налаживается. Антисемитские круги злорадно подчеркивают влияние евреев в Италии, стране, столь бедной евреями: в совещаниях рабочих и предпринимателей обе стороны, действительно, были – случайно – представлены евреями. В августе представители хозяев вручают рабочей делегации решительный ответ: «при настоящем положении промышленности требования экономических улучшений не могут быть удовлетворены». В тот же день комитет действия союза металлистов созывает съезд делегатов от секций и обращается с воззванием к рабочим. Собравшийся через несколько дней съезд решает начать обструкцию («итальянскую забастовку»), и немедленно там и здесь вспыхивают острые конфликты на почве поломки машин, порчи материалов. 30 августа правление автомобильного завода «Ромео» выносит постановление о закрытии завода (локаут). Миланская секция металлистов в ответ дает распоряжение о занятии рабочими всех металлургических заводов Милана и окрестностей. Распоряжение исполняется, и около трехсот предприятий захватываются вооруженными рабочими. Создается рабочая охрана, потом является специальная красная гвардия (*guardie rosse*). Проповедуется трудовая дисциплина, насаждаются методы чисто военной организации, внушается мысль о необходимости революционной иерархии. Жены рабочих мобилизуются для общего дела. Первое время царит энтузиазм. На заводах развеваются красные флаги. Праздничные дни проводятся в торжествах и митингах. Правительство бездействует, бессильное помешать событиям: Джиолитти в Сенате категорически заявляет, что «насильственное очищение фабрик от захвативших их вооруженных рабочих, столь страстно требуемое буржуазными партиями, невыполнимо ни по техническим, но по юридическим основаниям». Движение разрастается далеко за пределы Милана и Пьемонта, перекидываясь из одного города в другой, стихийно охватывая всю страну. К металлистам присоединяются рабочие других производств, зараженные примером, увлеченные воздухом борьбы. Почтовые чиновники доставляют рабочим корреспонденцию, адресуемую фабрикантам. Железнодорожники в свою очередь всячески помогают стачке, зачастую отступаясь при этом даже от велений закона и формальных требований службы. Католическая народная партия и ее организации, со своей стороны, поддерживают движение, хотя еще не так давно, в начале года, помогали правительству справляться с аналогичными стачками.

Экстремисты социалистической партии стремятся углубить события. Их позиция ясна: экономическую борьбу нужно превратить в социально-политическую революцию, необходимо осознать, что всякая классовая борьба есть в конечном итоге борьба за власть. Стачка для итальянских сторонников Москвы представлялась мощным орудием разрушения буржуазного государственного аппарата и установления пролетарской диктатуры⁷. И, будучи последовательными, они добивались, чтобы формальное, как и реальное, возглавление рабочей борьбы перешло к социалистической партии, т. е. одному из отрядов Коммунистического Интернационала. Отстаивая этот взгляд от имени партии на собрании дирекции Все-

⁷ Ленин отмечал это в своей статье против Турати в мае 1920: «Как тупоумно и пошло-буржуазно непонимание революционной роли стихийно разрастающихся стачек!» (т. XVII).

общей Конференции Труда, коммунист Дженнари доказывал, что движение уже переросло экономическую фазу, становясь революцией и гражданской войной.

Но Конфедерация Труда, руководимая реформистами, стала на иную точку зрения. Д'Арагона, генеральный секретарь Конфедерации, приветствуя стачку, в то же время упорно отрицал ее политический характер: борьба, согласно реформистской концепции, должна быть ограничена экономическими целями и руководиться не социалистической партией, а всеобщей Конфедерацией Труда.

Это была живописная и драматическая борьба двух больших течений современного социализма. Пылающая кровь, дерзновенная революционность, фанатическая вера, варварская разрушительность большевизма с одной стороны, и утомленная рассудочность, методический оппортунизм, умеренная постепенность, благородная цивилизованность реформизма – с другой. Различие темпераментов, стилей, вероятно, и возрастов: ведь «старость ходит осторожно и подозрительно глядит»...

10 сентября открылась конференция профессиональных рабочих организаций, на решение которой был перенесен спор между Исполнительным Комитетом партии и Конфедерацией. Не только Турати, но и «центрист» Серрати высказался за резолюцию Д'Арагона, которая прошла 591,245 голосами против 409,569, поданных за резолюцию Дженнари. «Руководство движением – значилось в принятой резолюции – должна принять на себя Генеральная Конфедерация Труда, осуществляя его с помощью социалистической партии... Целью борьбы является признание хозяевами контроля союзов над предприятиями. Это открывает дорогу дальнейшим завоеваниям и неминуемо приведет к коллективному управлению и к социализации, и таким образом органическим путем разрешатся задачи производства. Контроль, в союзе с техническими и интеллектуальными силами, которые не могут отказать в своем сотрудничестве для столь высоко-культурной цели, даст рабочему классу возможность технически подготовиться к замене собственной властью клонящейся к упадку власти буржуазии».

Нетрудно убедиться, что, несмотря на пышную словесность насчет грядущей «власти рабочего класса», оказавшуюся достаточной для привлечения Серрати, – революция обозначала по существу отказ от углубления революции, вернее, вообще отказ от пути революции. Социалистические вожди оказались революционерами больше на словах, чем на деле; в решающий момент их хватило на захват фабрик, но не власти, на забастовку, но не на прямое действие. Они убоялись великой исторической ответственности за ужасы и горе насильственной революционной катастрофы. Они уже вплотную подошли к ней, они заглянули ей в лицо – и отшатнулись. Им показался более благоразумным мирный «органический путь» эволюционного прогресса в духе начал гуманитарной и эгалитарной демократии. История, как известно, повела Италию по иному, третьему пути.

Победа умеренных, отмеченная переходом руководства стачкой к назначенному Конфедерацией комитету, была немедленно учтена правительством. Джиолитти демонстративно заявил о своей солидарности с основным лозунгом движения: рабочий контроль. Выступая с речью в Турине, он высказался против узкого эгоизма промышленников и распространился на тему о целесообразности непосредственного привлечения рабочих представителей к делу ведения предприятий: должны же рабочие знать, что у них творится на фабрике, абсолютных монополий не должно быть в экономике, как и в политике. В беседе с американскими журналистами, обосновывая свою линию поведения, он выразил надежду, что рабочие, войдя ближе в дела предприятий, поймут ограниченность возможностей в смысле увеличения заработной платы и тем самым будут осмотрительнее в своих требованиях.

Создалась почва для компромисса. Положение оккупированных фабрик становилось с каждым днем все более и более затруднительным. Прекращалась подача сырья. Скоро авто-

мобильные заводы стали нуждаться в резине, там и здесь истощалось топливо. Сказывалась экономическая абсурдность захвата фабрик без национализации банков. Экстремисты продолжали твердить свое: спасение – в социальной революции; контроль – полумера, бесплодная пока власть в руках буржуазии. Но одновременно наблюдались и признаки усталости, разочарования рабочих масс, тревога за производство, готовность к уступкам. Вожаки движения нащупывали мирный исход, и когда правительство предложило посредничество, оно было ими охотно принято.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.